

Проф. А. В. МИШУЛИН

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

*Посвящается 50-летию научной и общественно-педагогической работы
заслуженного деятеля науки, акад. С. А. Жебелева*

Введение

В данное собрание сведений о древних славянах вошли самые различные свидетельства древних и византийских по преимуществу авторов, от мелких случайных замечаний античных писателей, как, например, Плиний, Тацит и др., до значительных экскурсов о славянах у Прокопия, Феофилакта, Менандра и др. Мы сознательно в составлении такого собрания наметили в основном хронологические рамки до VII в. включительно. Сведения о славянах за этот исторический отрезок охватывают действительно древних славян, т. е. периода расцвета у них родовых отношений и начала их распада. С этим периодом тесно связывается тот исторический процесс, когда начинается образование славянских государств (Само, Аспаруха, позднее Киевское—у восточных славян). Именно этот период до VII в. для истории древних славян является наиболее интересным, мало изученным и в некоторой степени даже и спорным в оценке социального строя. Советская историческая наука в различных академических заседаниях уже подвергла рассмотрению этот период истории славян, который по праву может быть трактован как период древней истории славянских народов. Выступления в печати, например статья чл.-кор. [АН СССР С. В. Бахрушина (см. ВДИ, 1938, № 2 (3); также приложение, ВДИ, 1938, № 1 и др.), наконец специальная работа акад. Б. Д. Грекова об общественном строе Киевской Руси с изложением и древней истории славян,—все это достаточно актуализирует более обстоятельное и специальное изучение социального строя древних славян, притом не только на материале древних авторов, но и путем исследования археологического материала и проведения лингвистических изысканий.

Правда, славистами в этом отношении уже сделано немало, однако это не может быть признано достаточным. Наука развивается, она не стоит на одном месте, обогащается новым материалом, и поэтому, вполне естественно, ранее достигнутые выводы приходится иногда пересматривать, обновлять новыми данными науки, в особенности археологии и лингвистики.

В изучении истории древних славян материал и литературный, и археологический, и лингвистический столь обширен, что в порядок дня ставится вопрос об его систематизации в самостоятельные разделы с целью отдельных публикаций его по разделам археологии, лингвистики, литературных данных.

Мы ставим своей задачей дать публикацию сведений о древних славянах у античных и, главным образом, византийских писателей. Как было сказано, нас интересует эпоха до образования государственных объединений славян, т. е. периода родового строя и сменившей его эпохи так наз. «военной демократии». Этот выбор определился у нас в связи с тем докладом, который был предложен сессии Отделения истории и философии в апреле 1939 г. (см. ВДИ, 1939, № 1), и той работой, которая потом проделывалась для подготовки главы VI тома «Всемирной истории» («Всемирная история», серия древней истории, том VI. «Римская империя»).

Эту работу нельзя назвать новой. Собираание литературных свидетельств о древних славянах в науке проводилось не один раз. К числу одних из первых славистов надо отнести русских ученых конца XVIII в.—Райча и Штриттера. Райч в своем издании древнеславянской истории. (см. его «Историю разных славянских народов», 1795, СПб.) пытался не только собрать известные ему литературные памятники о славянах, но одновременно первый пытался древнеславянскую историю вставить в общую рамку всеобщей истории. Не только славяне, но и народы Восточной Европы в широком смысле слова включаются в поле зрения Райча; наконец, этот ученый старался установить взаимосвязь в социально-политической эволюции этих племен с племенами Западной Европы (остготами, бастарнами, гепидами, гетами и т. д.). Главным недостатком работы, весьма трудоемкой, весьма обстоятельной и для своего времени весьма ученой, было то, что она, во-первых, не была исчерпывающим сводом данных о славянах и, во-вторых, она являлась довольно несистематическим сводом этих данных. В настоящее время, конечно, наука не прибегает и не может прибегать к этому руководству, ибо оно оказывается теперь определенно устаревшим.

Большой систематичностью отличается труд Штриттера «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов» (СПб., 1770). Штриттер прекрасно понимал, какие затруднения представляет для историка отсутствие систематического свода литературных известий о древних славянах. «Надлежало,—пишет он,—завсегда рыться с трудом в 40 томах, в которых известия не токмо разбиты, но и часто бывают невидны. Оное беспрестанно продолжающееся затруднение угрожало впредь и российскому историку». Далее Штриттер рассказывает в своем предисловии, как был создан его краткий свод о славянах. Затруднения в работе историков были очевидными, и вот, говорит Штриттер: «Императорская Академия наук, предвидя сие, вознамерилась одним разом рушить оные препятствия и для того приказала мне из всего собрания византийских историков сделать полные выписки, которые бы в себе содержали не только все то, что принадлежит близко к Российской истории, но и соорать также известия о других, особливо переселявшихся и в прочем еще мало известных народов» (см. предисловие к вышеназванному труду, стр. 7—8).

Штриттер собрал, действительно, самый различный материал. В 86 отрывках он собрал сведения о славянах с 495 г. по 1222 г. н. э., причем не пояснив, почему были избраны данные хронологические рамки, которые, несомненно, являются совершенно произвольными и не мотивированными с научной стороны. Правда, составитель в предисловии указывает, что с 1222 г. имя «славяне» уже исчезает у византийских историков и последние называют славянские народы уже установившимися названиями россиян, сербов, поляков, босний, чехов и т. д. Но вряд ли это соображение является столь веским, тем более, что оно и не совсем точно. У мусульманских и у западных историков можно еще встретить термин «славяне» и после 1222 г. Рамки византийских свидетельств также произвольно ограничивают поставленную Штриттером задачу.

Что касается славян, то составитель подобрал всего лишь 86 отрывков, причем на долю именно древних славян, как это предложено было понимать выше, падало всего лишь около 45 свидетельств, собранных Штриттером.

Во второй части сборника Штриттера даются 39 отрывков, посвященных первым в истории сведениям о готах, вандалах, гепидах, герулах, гуннах и аварах.

Нечего говорить о том, что при всем старании Штриттера дать систематическую сводку свидетельств в своем сборнике, последний оказался не лишенным недостатков. Главным из них оказалась неполнота собранных материалов. Взять к примеру Прокпия Кесарийского; материал, по истории древних славян не был использован целиком и в сборнике дан только в главных отрывках. Иордан же, готский историк VI в., в сборнике Штриттера не представлен совершенно. Поэтому естественно, что Штриттеру пришлось после составления этого маленького сборника приступить к работе над составлением большого, капитального свода сведений по истории славян.

После Штриттера в работе над славянскими древностями первое место занял чешский ученый Шафарик. В первой половине XIX в. он проделал исключительную работу по собиранию материала и его комментированию. Изданный им в нескольких

томах труд, под заглавием «Славянские древности», был издан в России в 1848—1850 гг., под этим же самым заглавием, под редакцией Бодянского. Несмотря на то, что труд этот, несомненно, устарел, в настоящее время он еще не потерял своего научного значения, и во многих случаях им пользуются еще сейчас.

Выход труда Шафарика имел еще то значение, что он высоко поднял авторитет чешской науки, работу чешских ученых славистов. Именно чешская наука выделила такого слависта конца XIX в. и начала XX в., как Нидерле. Составленный им свод материала по древним славянам включает в себя не только данные литературных, но и археологических памятников и является в известной степени корпусом-фондом материала о славянах, без которого работать в настоящее время славист не может.

Первый том многотомного труда Нидерле выходил по-русски в Киеве, в 1904 г. («Славянские древности», т. I—«Происхождение и начало славянского народа»). Отдельные работы Нидерле издавались на русском языке и в Праге (например, «Славянские древности», главным образом археологическое обозрение) в 1924 г. и хорошо известны советской науке. Значение основного большого труда Нидерле столь велико, что он безусловно нуждается в издании на русском языке, в особенности сейчас, в связи с начавшимся развитием славяноведения в советской науке.

Наше издание собрания литературных свидетельств о древних славянах, печатаемое в приложении к данному номеру «Вестника древней истории», ставит себе более скромную задачу, но и она подчиняется в конечном своем итоге общей задаче развития советской исторической науки. Главное, что нас побуждало в собирании печатаемых материалов,—это дать молодым специалистам по древней истории, студентам исторических факультетов, не являющимся непосредственно славистами, материал древних авторов в собранном, систематическом виде и в русском переводе. В наших курсах по древней истории, в особенности по Римской империи, этот материал почти всегда остается втуне в значительной степени потому, что здесь действует еще до сих пор сила инерции, сознательно отодвигающая материал о древних славянах при одновременном подчеркивании всякого материала о других варварах и их роли в судьбах Римской империи, и, во-вторых, самый-то материал о древних славянах оставался до сих пор не систематизированным и специальных сборников его под рукой обычно у историков не было.

Дать такой свод материала для разработки его в рамках всеобщей истории, в особенности при изучении падения Восточно-Римской империи и образования Византии, наконец, для изучения самой истории древних славян—вот что руководило нашей работой.

Как видит читатель, наш свод начинается от сведений о славянах под именем венедов у Плиния, антов у Прокопия, Иордана, Маврикия и Феофилакта и доводится до включения сведений из Феофана Византийца, хотя он жил уже в VIII в.

Собранные отрывки из писателей с I по VII в. включительно, конечно, не являются еще исчерпывающими и могут быть дополнены. Уже сейчас можно сказать, что в наше собрание сведений о славянах отмеченного периода не вошли мелкие фрагментарные данные сирийских источников. Поэтому дальнейшее собирание материала по этой ранней истории славян, да притом еще из наиболее ранних источников, составляет следующую задачу. Всякие замечания и пожелания в этом направлении будут мною приняты только с удовлетворением.

Теперь необходимо кратко остановиться на характере материала, на тех вопросах, которые вытекают из него для исследователя. Весь приводимый в отрывках материал ставит перед нами в первую очередь следующие неотложные для изучения вопросы. Вопрос первый—о географии расселения славянских племен, о соприкосновении их с племенами Западной Европы, а также и с другими племенами Восточной Европы. Нельзя признать этот вопрос достаточно исследованным, и многое еще тут остается спорным. В изучении этого вопроса особого внимания заслуживает соприкосновение, или, если можно так сказать, социальная диффузия, славянских и других народов, во время борьбы с Римской империей образовывавших целую коалицию варварских племен против рабовладельческого Рима. Кстати сказать, еще Энгельс интересовался

проблемой того, как культурная полоса античности была «разорвана и смята немцами и славянами» (М. и Э., Соч., т. XIV, стр. 440). Особенно Энгельса привлекал вопрос о движении народов в V и VI вв., причем Энгельс тут подчеркивал, что после движения волны германцев продолжалось расселение славян, «которые и после них (германцев.— А. М.) еще долгое время находились в движении» (там же, т. XVI, ч. I, стр. 344).

Отсюда уже возникает и следующий, вытекающий из первого и более конкретный вопрос об истории столкновения славянских «варваров» с Восточно-Римской империей. Социальная значимость изучения этой проблемы стыка славянского мира с романским на Балканах и значение этого факта для судеб Восточно-Римской империи вряд ли нуждаются в особом пояснении. На этой стороне дела нам уже приходилось останавливаться (см. статью «Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи» в ВДИ, 1939, № 1). Здесь бы хотелось только подчеркнуть, что проследить историю борьбы и вообще столкновения Рима и народов восточной Европы, в частности, и в особенности славян, не так-то хорошо разрешимая или, во всяком случае, достаточно еще не разрешенная задача. Уже с эпохи Траяна можно установить наличие борьбы между Римом и Востоком Европы. Тогда еще на Востоке выступали различные прото-славянские племена, как скифы, сарматы, роксоланы и т. д. И тут-то возникает сразу несколько вопросов: кто такие были скифы в эту позднюю эпоху, каков этногенез сарматов, роксолан и на какой этнической основе впоследствии появляются славянские племена, которые, конечно, не с неба упали, а явились результатом какого-то этнического развития племен, населявших восточные, соприкасавшиеся с Римом, районы Европы. Таким образом, тут могут быть вскрыты две стороны этого процесса стыка Рима с восточно-европейскими племенами. Конкретно-историческое исследование этого столкновения должно показать, во-первых, значение этого явления для Римской империи, поскольку, как известно, этот внешний фактор сыграл в единстве с внутренним решающую роль для существования рабовладельческой системы. Во-вторых, изучение столкновений и постоянной борьбы должно показать влияние этого факта на социальный процесс, происходивший внутри восточно-европейских племен, в частности и главным образом у славян, поскольку социальная эволюция последних упиралась уже в образование политических объединений, а потом и первых славянских государств.

Отсюда уже вытекает и третья проблема—о внутреннем строе древних славян, о распаде у них родовых отношений, организации строя «военной демократии» как переходной эпохи от рода к образованию государства. Славянский род, рудименты которого оказались так живучи в существовавшей до самого XIX в. славянской общине, представляет для историков интересную историческую проблему, в особенности если ее рассматривать в сравнительно-историческом плане, наряду с родом греческим, римским и германским. Однако это ни в какой степени не должно скрадывать от нас интереса к другой стороне процесса, именно к изучению зачатков государственности в процессе развития славянского рода и возникновения той «военной демократии», которая явилась как бы переходным мостом к образованию государства. Следует вспомнить, что в «Происхождении семьи...» Энгельса интересует не столько род, как таковой,— это не самоцель исследования у Энгельса,— сколько условия его распада, в результате чего появляются и частная собственность, и классы, и государство. Гениальность Энгельса в изучении этого вопроса заключается именно в том, что он сумел для переходной от рода к государству эпохе уловить общие черты появляющейся политической организации у племен, которые в совокупности и представляют «военную демократию», в появлении и в дальнейшем развитии которой и осуществляется та особая формы революция, которая в конце концов отменяет родовой строй и приводит к образованию государства. «Так же, как у греков в героическую эпоху, у римлян во время так называемых царей была военная демократия» («Происхождение семьи...», стр. 123. Партиздат, 1937). «У объединившихся в народы германских племен существует такое же общественное устройство, как у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей: народное собрание, совет родовых старшин, военачальник, стремящийся к подлинной королевской власти» (там же, стр. 138).

Изучение эволюции славянского рода по материалам, главным образом, Прокопия, Менандра, Маврикия и Феофилакта позволит нам воссоздать такую же картину военной демократии и у славян. Несомненно, у славян были свои исторические своеобразия, однако и некоторые общие черты военной демократии могут быть безусловно отмечены. Так, Прокопий сообщает нам о славянском вожде Андрагасте; Феофилакт— о другом вожде (князе) Ардагасте, который, как говорится в этом источнике, управлял целой страной; далее, тот же Феофилакт называет нам вождя у славян—Пирогаста; наконец, о другом вожде, Мусокии, этот автор даже прибавляет, что этот вождь титуловался царем, причем для ясности подобной характеристики Феофилакт в греческом тексте своего изложения употребляет латинский термин «гех». О славянских князьях сообщает нам и Менандр. О народном собрании весьма пространные сообщения имеются у Прокопия. Недостаточность других данных не позволяет нам воссоздать картину военной демократии у славян, аналогичную той, которая имеется у историка в отношении греков, римлян и германцев. Однако историческое исследование в этом направлении должно работать путем привлечения, кроме литературного материала, также археологического и этнографического.

Только с таких позиций эволюции славянского рода удастся нам установить, как сделал это Энгельс применительно к грекам, римлянам и германцам, исторические условия возникновения государственности у славян. Другими словами, последующая история образования славянских государств не может быть понята без изучения славянского рода именно под этим углом зрения. В то же время и изучение славянского рода под каким-либо другим углом зрения теряет весь свой смысл.

В процессе изучения собранных литературных свидетельств по истории древних славян может возникнуть целый ряд и других проблем, как общих, так и частных. Размеры нашей статьи-предисловия не позволяют поставить другие отдельные вопросы, поэтому и пришлось обратить внимание на проблемы, с нашей точки зрения, главные и ведущие.

В заключение остается сказать, что выборки из древних и византийских авторов сделаны как из имеющихся русских их переводов (например, Менандр в переводе Дестуниса и др.), так и из греческих текстов византийских историков, не существующих в русском переводе. В этом случае все переводы сделаны С. П. Кондратьевым, который любезно взял на себя проверить и подобранные мною сведения о славянах в русском переводе, поскольку такие переводы могли устареть если не по существу, то в стилистическом отношении, как правило.

К каждому автору даются биографические и исторические справки, а также сведения о литературе вопроса.

Для удобства пользования нашим собранием документов-отрывков из древних авторов, всюду в приводимых текстах слова «славяне», «анты», «венеды» даются в разрядку.

